Анна Чер

До последней пары

Анна Чер

До последней пары

«Автор»
2026

Чер А.

До последней пары / А. Чер — «Автор», 2026

После измены парня с лучшей подругой Катя решает позволить себе один вечер без прошлого. Незнакомец из клуба не задаёт лишних вопросов, не требует улыбаться и не обещает вечности. Она сама выбирает поцелуй. И ночь, которая должна остаться случайностью.Но на первой лекции по международному праву Катя узнаёт в новом преподавателе мужчину, от которого сбежала на рассвете.Теперь он — Демид Евгеньевич. Между ними — университетские правила, чужие взгляды и притяжение, которое не исчезает от официального обращения. Демид отказывается участвовать в её оценивании. Катя пытается убедить себя, что ей от него ничего не нужно. Оба знают: дело давно не только в той ночи.Чтобы быть вместе, ей придётся научиться доверять, не отказываясь от себя. Ему — перестать жить по сценарию влиятельного отца. Но когда Катя получит шанс уехать на стажировку, перед ними встанет вопрос, на который не ответить одним признанием в любви: как выбрать друг друга, не предав собственное будущее?

© Чер А., 2026
© Автор, 2026

До последней пары

Глава 1. До утра

— Если ты ещё раз скажешь, что тебе нормально, я закажу тебе воду и вызову экзорциста, — заявила Оксана.

Катя посмотрела на неё поверх бокала.

— А если я скажу, что мне просто не хочется говорить об Андрее?

— Тогда я закажу воду, вызову экзорциста и не буду говорить об Андрее. Я гибкий человек.

Оксана умела звучать так, будто шутит, даже когда на самом деле тревожится. Катя поставила бокал на стол. Вокруг мигали огни, музыка билась о стены, люди смеялись слишком громко. В клубе было тесно и душно, пахло парфюмом, нагретыми телами и сладким алкоголем. Наверное, именно так и должно было выглядеть веселье. По крайней мере, на фотографиях.

— Я не развалюсь, — сказала Катя.

— Я знаю. Ты вообще умеешь разваливаться без свидетелей. Но сегодня я решила испортить тебе этот навык.

Катя чуть улыбнулась. Оксана улыбнулась в ответ, довольная, будто вытащила из неё признание.

Из всех летних вечеров этот должен был быть самым обычным. Начинался последний учебный год, до которого оставалось несколько дней. Оксана назвала это поводом для праздника. Катя назвала поводом не сидеть дома и не проверять, кто из общих знакомых выложил фотографию Андрея с Леной.

Впрочем, фотографии она уже видела.

Андрей стоял за спиной Лены, положив ладони ей на талию. Лена смеялась, запрокинув голову. Они выглядели счастливыми — так счастливыми, как люди обычно выглядят на снимках, если знают, что кто-то конкретный их увидит.

Катя закрыла приложение и с тех пор старалась не думать о том, сколько именно времени прошло с момента, когда она ещё считала Лену подругой.

— Посмотри на меня, — сказала Оксана.

— Смотрю.

— Нет. Ты смотришь сквозь меня. Это разные вещи.

Катя вздохнула.

— Я не хочу сегодня разбирать свою жизнь по кускам.

— Прекрасно. Тогда сегодня мы её не разбираем. Сегодня мы танцуем, пьём что-нибудь безвкусное и делаем вид, что завтра не существует.

— Завтра существует.

— Поэтому мы не будем о нём думать.

Оксана подняла бокал. Катя чокнулась с ней и отпила. Напиток оказался слишком сладким, с привкусом цитруса и чего-то аптечного. Она поморщилась.

— Видишь? — сказала Оксана. — Уже есть о чём переживать, кроме бывшего.

Катя рассмеялась — коротко, но по-настоящему. Оксана тут же потянула её за руку к танцполу.

Сначала Катя двигалась неловко, думая о том, как выглядит со стороны. Потом музыка стала громче мыслей. Она перестала считать такты, перестала вспоминать сообщения, которые не стоило перечитывать, и даже позволила себе закрыть глаза.

Когда открыла, Оксана уже танцевала с незнакомой девушкой, а рядом с Катей оказался мужчина в чёрной рубашке.

Он не пытался перекричать музыку и не улыбался так, словно заранее был уверен в её согласии. Просто посмотрел на неё, чуть наклонил голову и протянул руку.

— Потанцуем?

Катя взглянула на его ладонь, потом на него.

— Это зависит от того, насколько ты хорошо танцуешь.

— Ужасно. Но очень уверенно.

— Тогда посмотрим, что окажется важнее.

Он улыбнулся. Не самодовольно — скорее так, будто ему понравился ответ. Катя вложила пальцы в его ладонь.

Его звали Демид. Он сказал это, когда музыка чуть стихла, и добавил, что ему двадцать девять. Он выглядел моложе, чем она ожидала от этих слов, но в нём было что-то спокойное: не тяжёлая серьёзность и не привычная клубная уверенность, а ощущение, что ему не нужно громче всех заявлять о себе.

— А ты? — спросил он.

— Катя.

— Просто Катя?

— Пока да.

— Тогда я буду осторожен с вопросами.

— Разумное решение.

Они танцевали. Сначала между ними оставалось расстояние — удобное, безопасное. Потом толпа сдвинулась, кто-то задел Катю плечом, и Демид поддержал её ладонью за локоть. Он не стал сразу убирать руку, но и не удерживал. Оставил ей возможность отстраниться.

Катя могла.

Не отстранилась.

— Ты всегда так смотришь на людей? — спросил он, когда они снова оказались рядом.

— Как?

— Будто уже решила, что они тебе не нравятся, но пока не хочешь расстраивать.

— Это не так.

— Значит, мне повезло.

— Не спеши радоваться.

Он рассмеялся. Голос у него был низкий и тёплый, но не перекрывал музыку. Катя поймала себя на том, что ей хочется слушать его. Не потому, что он говорил что-то особенное, а потому, что рядом с ним не приходилось всё время придумывать ответ получше.

Когда музыка сменилась, Катя заметила Оксану у барной стойки. Та подняла большой палец, явно оценивая нового знакомого. Катя закатила глаза. Оксана в ответ показала ей сердечко обеими руками.

— Подруга? — спросил Демид.

— Та самая гибкая, которая может одновременно заказать воду и вызвать экзорциста.

— Звучит полезно.

— Особенно если у тебя сложная жизнь.

Он посмотрел на неё внимательнее, но не спросил, что именно она имела в виду. Катя оценила это больше, чем хотелось бы.

Они вышли на улицу, чтобы передохнуть. Воздух оказался прохладнее, чем она ожидала. Где-то у входа курили, в такси мигали фары. Демид снял пиджак и протянул ей.

— Я не замёрзла.

— Верю. Но ты всё равно дрожишь.

Катя хотела возразить, но плечи действительно покрылись мурашками. Она взяла пиджак.

— Спасибо.

Они постояли рядом, слушая, как за дверью глухо гремит музыка. Катя спросила, часто ли он сюда ходит.

— Нет. Сегодня решил, что мне тоже полезно иногда принимать плохие решения.

— И как успехи?

— Пока держусь.

— Тогда не буду мешать.

Катя вернула ему пиджак. Их пальцы коснулись. Мгновение — и он уже мог бы поцеловать её. Она увидела это в его взгляде, но он не приблизился.

Почему-то именно это заставило её сделать шаг самой.

Поцелуй получился не осторожным, но и не поспешным. В нём не было обещания, что завтра они будут знать друг о друге больше. Только желание, которому оба перестали мешать. Демид коснулся её щеки, и Катя почувствовала, как напряжение, копившееся всё лето, отступает — не исчезает, нет, просто перестаёт быть единственным, что она ощущает.

Когда он отстранился, Катя всё ещё держала его за рубашку.

— Ты хочешь вернуться внутрь? — спросил он.

Она посмотрела на него. На мужчину, чью фамилию не знала, чью жизнь не представляла и которого, возможно, больше не увидит.

— Нет.

— Поедем ко мне?

Вопрос прозвучал просто. Без нажима. Катя могла сказать «нет», и он бы, кажется, принял это без обиды. Именно поэтому она на секунду растерялась.

Она подумала об Андрее. О Лене. О фотографии, которая всё ещё жила где-то в телефоне, хотя сама Катя закрыла её. Подумала о том, что весь вечер старалась не чувствовать себя человеком, которому нанесли удар.

А потом поняла, что не обязана сейчас доказывать кому-то, будто ей всё равно. И не обязана доказывать обратное.

— Да, — сказала она. — Я хочу.

Демид на мгновение задержал на ней взгляд.

— Тогда давай вызовем машину. Если передумаешь по дороге — просто скажи.

— Хорошо.

В такси Катя сидела у окна, Демид — рядом. Их плечи соприкасались. Он не пытался использовать темноту и близость как разрешение на что-то ещё. Катя сама повернулась к нему и поцеловала. Он ответил, но, когда машина остановилась у светофора, отстранился первым.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да.

— Уверена?

— Уверена.

Она произнесла это не потому, что хотела убедить его. Себя — тоже. Просто потому, что это было правдой.

У него дома было тихо. Прихожая освещалась одной лампой, на тумбе лежали ключи и книга в мягкой обложке. Катя сняла обувь, поставила сумку у стены. Демид спросил, хочет ли она воды. Она кивнула, выпила несколько глотков и только потом снова поцеловала его.

Катя чувствовала, как предательски дрожат ее пальцы, когда они касались его плеч. Для нее этот мир близости все еще казался ей книгой, написанной на чужом языке. Она боялась показать свои желания, боялась, что он, с его уверенностью и опытом, заметит ее неуверенность.

Но Демид, казалось, читал ее мысли. В его движениях не было ни капли той суетливой жадности, которой она ожидала от мужчин, какая была у Андрея. Напротив, в нем чувствовалась спокойная, почти гипнотическая сосредоточенность. — Тише, милая, — прошептал он,

его губы скользнули по ее виску, а руки мягко, но уверенно взяли ее ладони в свои, останавливая их нервную дрожь. — Никуда не спешим. Просто дыши. Я здесь.

В полумраке спальни, освещенной лишь мягким светом ночника, его кожа казалась обжигающе теплой. Он целовал ее не торопясь, изучая каждый изгиб, каждую реакцию. Для него не существовало гонки. Его собственное желание было вторичным; главным было то, как меняется ее дыхание, как ее пальцы впиваются в его спину, как она, наконец, начинает доверять ему настолько, чтобы отпустить свой контроль.

Когда их тела соединились, Катя зажмурилась, чувствуя легкую растерянность и забытую полноту ощущений. Но Демид тут же замер. Он не двигался, давая ей время адаптироваться, и его взгляд, темный и невероятно нежный, не позволял ей спрятаться. — Посмотри на меня, — тихо попросил он, и когда она открыла глаза, он улыбнулся уголком губ. — Ты прекрасна. Тебе хорошо? Скажи мне, если нужно остановиться. — Нет... — выдохнула она, и это было чистой правдой. — Не останавливайся. Пожалуйста.

Он начал двигаться с невероятной чуткостью. Его ритм был полностью подстроен под нее. Он замедлялся, когда чувствовал, что она слишком сильно напрягается, и менял угол, глубину или темп, ориентируясь исключительно на ее стоны и то, как ее бедра инстинктивно тянулись навстречу. Он не думал о своей разрядке; его эгоизм заключался лишь в том, чтобы довести ее до того самого края, о котором она раньше только догадывалась.

Каждое его прикосновение было вопросом, на который ее тело отвечало честнее, чем слова. Он гладил ее бедра, целовал изгиб шеи, шепча слова восхищения, которые топили остатки ее стыда и неуверенности. Он хотел, чтобы она запомнила эту ночь не как неловкий урок, а как момент абсолютного принятия и наслаждения.

Катя перестала думать. Мир сузился до его запаха, до шероховатости его ладоней на ее талии, до этого глубокого, тягучего ритма, который он задавал, внимательно следя за ее глазами. Она чувствовала, как внутри нее нарастает жар, волна за волной.

—Да, вот так... ты умница, — его голос был хриплым, дыхание сбивалось, но он не терял контроля, держа ее на руках, словно она была самым хрупким и ценным сокровищем. Он подталкивал ее, направлял, отдавая всего себя без остатка, чтобы она могла расцвести. Когда волна наконец накрыла ее, Катя вскрикнула, пряча лицо в его плече и содрогаясь от силы собственных ощущений. Демид крепко обнял ее, прижимая к себе, целуя ее волосы и шепча что-то несвязное, разделяя с ней эту интимную бурю.

Только когда ее дыхание начало выравниваться, а тело обмякло в сладкой, блаженной истоме, он позволил себе завершить то, что начал, несколько раз глубоко и жадно вздохнув запах ее кожи. После он не отстранился. Демид укрыл ее одеялом, притянул к своей груди и провел рукой по ее влажным от пота волосам.

— Ты в порядке? — спросил он тихо, целуя ее макушку. Катя улыбнулась, чувствуя себя в полной безопасности, и теснее прижалась к нему. Впервые в жизни она поняла, что близость — это не про то, чтобы что-то доказать или выполнить. Это про то, чтобы довериться партнёру и почувствовать себя бесконечно желанной.

Она не пыталась представить, что будет утром. Не спрашивала, увидятся ли они снова. Не обещала себе, что это ничего не значит.

На одну ночь ей хватало настоящего.

Позже они лежали рядом в полумраке. Катя слышала, как за окном проехала машина, как где-то в доме закрылась дверь. Демид что-то спросил, но она уже не запомнила, что именно. Ответила невпопад, и он тихо рассмеялся.

— Ты всегда уходишь от вопросов? — пробормотал он.

— Только от тех, на которые не хочу отвечать.

— Честно.

Катя повернулась к нему. В полутьме его лицо казалось спокойным и чуть усталым. Она подумала, что спросит его о многом потом. Если будет «потом».

— Спи, — сказала она.

Он не стал возражать.

Катя закрыла глаза и впервые за долгое время не стала прокручивать в голове чужую фотографию, собственную ошибку или то, что придётся делать дальше.

До утра всё могло подождать.

Глава 2. Шесть утра

Катя проснулась от тишины.

Не от будильника, не от чужого голоса и даже не от света — просто в какой-то момент поняла, что музыка больше не гремит у неё в голове. Осталась только тишина незнакомой комнаты и ровное дыхание рядом.

Она открыла глаза.

Первое, что увидела, — край белой простыни. Второе — мужское плечо, на котором лежала её ладонь. Катя осторожно убрала руку и замерла, будто этим движением могла кого-то разбудить.

Демид спал на боку, повернувшись к ней. В полумраке он выглядел иначе, чем ночью: не собранным, не внимательным, не тем, кто спрашивает, всё ли в порядке. Просто человеком, которому удалось заснуть. На тумбочке темнел телефон, у окна бледнела полоска рассвета.

Катя посмотрела на часы. 6:07.

Она медленно села. Голова не раскалывалась, но во рту пересохло. В теле оставалась приятная тяжесть — и рядом с ней неловкость, которая появилась не сразу, а будто ждала, пока Катя проснётся.

Никакого сожаления не было. По крайней мере, такого, от которого хотелось бы провалиться сквозь пол. Она помнила, как сама сказала «да». Помнила, как поцеловала его в такси. Помнила, что он спрашивал, всё ли в порядке, и что она отвечала — не из вежливости.

И всё же сейчас ей отчаянно хотелось оказаться дома.

Не потому, что ночь была ошибкой. Потому, что утро требовало какого-то продолжения. Слов. Улыбки. Возможно, кофе. Может быть, вопроса: «Ты останешься?» — и ответа, который она пока не знала.

Катя не умела быть в чужом утре.

Она нашла на полу платье и бельё, оделась, стараясь не шуметь. Потом принялась искать сумку. Та стояла у стены в прихожей, там, где Катя оставила её ночью. Телефон был на месте. Несколько пропущенных от Оксаны — все после трёх. Последнее сообщение: «Я дома. Ты как? Только не вздумай утром делать вид, что тебя похитили. Напиши».

Катя выключила звук и набрала: «Всё хорошо. Я уехала».

Палец завис над кнопкой отправки. Она стёрла «уехала» и написала: «Скоро буду дома».

В спальне Демид пошевелился. Катя замерла, сжимая телефон в ладони. Он что-то пробормотал и снова затих.

Она могла подойти. Разбудить его. Сказать «спасибо за ночь» — как будто это было нормальное выражение, а не фраза из неловкого кино. Могла оставить номер, спросить его фамилию, предложить обменяться контактами.

Вместо этого она вышла в коридор и тихо прикрыла за собой дверь спальни.

У входа Катя натянула обувь, взяла сумку и только тогда заметила, что застёжка на одном ухе пустая. Она провела пальцами по мочке. Серёжки — маленькой, серебряной, из пары, которую носила почти каждый день, — не было.

Катя оглянулась на дверь. Потом на часы.

Шесть пятнадцать.

Она представила, как возвращается в спальню и начинает шарить по полу, пока он спит. Представила, как Демид просыпается, как они оба неловко улыбаются, как он спрашивает, куда она так торопится. В горле сразу стало тесно.

Серёжка была не драгоценностью. Катино упрямство — тоже не драгоценностью. И всё-таки она выбрала дверь.

Вызвала такси и вышла на улицу.

Рассвет оказался холодным и бесцветным. Возле подъезда лежали длинные тени, мусорная машина гудела где-то за углом. В окне такси Катя видела собственное отражение: растрёпанные волосы, размазанная тушь, чужой пиджак на плечах. Она не помнила, когда успела забрать его с вешалки. Наверное, на автомате — как и сумку.

Водитель включил радио. Катя попросила потише и отвернулась к стеклу.

Телефон завибрировал.

Оксана: «Я не сплю. Ты точно в порядке?»

Катя быстро ответила: «Да. Просто устала. Расскажу потом».

«Потом» было удобным словом. Оно ничего не обещало, кроме того, что прямо сейчас можно не продолжать разговор.

Дома Катя сняла туфли в прихожей и прошла на кухню. На часах было почти семь. Мать уже ушла на работу; на столе стояла чашка, рядом — записка: «Завтрак в холодильнике. Не забудь поесть». Катя выпила воды.

Потом посмотрела на пиджак в своих руках.

Он пах ночным воздухом и чем-то древесным. Не резким, не навязчивым — запахом, который она, вероятно, ещё долго будет узнавать, если случайно встретит его в толпе. Катя аккуратно повесила пиджак на спинку стула. Утром она обязательно придумает, как вернуть его. Или вечером. Или когда поймёт, зачем вообще собирается это делать.

Она включила душ и простояла под горячей водой дольше, чем нужно. Смывала с себя не Демида — это было бы слишком просто и слишком неправильно, — а остатки ночи, которые уже начали превращаться в вопросы.

Почему я ушла?

Потому что он спал.

Почему не разбудила?

Потому что не захотела объяснять, что сама не знает, что сказать.

А если он хотел бы, чтобы она осталась?

Катя прикрыла глаза. Этого она не знала. И не собиралась додумывать за него.

На кухне телефон снова ожил. Оксана прислала несколько сообщений подряд.

«Я не буду спрашивать подробности, пока ты сама не захочешь». «Но ты можешь хотя бы прислать смайлик, чтобы я перестала представлять, что ты связалась с контрабандистами». «Катя».

Она усмехнулась и отправила один смайлик с поднятым большим пальцем.

Ответ пришёл мгновенно: «Ненавижу этот смайлик. Он означает, что ты собираешься всё замять».

Катя не стала отвечать. Она сделала кофе, села у окна и попыталась смотреть на улицу, а не на телефон. Город только начинал просыпаться. Внизу сосед выгуливал собаку; напротив кто-то распахнул окно и вытряхнул половик. Всё было таким же, как вчера. Только вчера она ещё думала, что сможет провести вечер, ни разу не вспомнив об Андрее и Лене.

Смогла ли?

Не совсем. Но несколько часов — и вправду не вспоминала.

Это казалось почти победой. Не великой, не окончательной. Просто небольшой передышкой, в которой она снова принадлежала себе.

Катя отпила кофе и поморщилась: слишком крепкий. Потом поймала себя на мысли, что Демид наверняка уже проснулся. Возможно, заметил, что она ушла. Возможно, решил, что так проще. Возможно, ему было всё равно.

Она остановила себя на третьем «возможно».

Чужая ночь не превращала людей в близких. Не давала права ждать сообщений. Не обязывала к следующей встрече. И не означала, что кто-то кого-то использовал. Катя выбрала — этого было достаточно. Всё остальное можно было оставить там, в квартире с тихим коридором и рассветом за окном.

Она взяла телефон, открыла переписку с Оксаной и набрала:

«Он был нормальный. Очень. Не спрашивай».

Отправила — и тут же почувствовала, как щёки становятся горячими.

Ответ подруги пришёл не сразу.

«Я ничего не спрашиваю. Но ты сейчас краснеешь, да?»

Катя закатила глаза и написала: «Не вижу, как это связано».

«Угу. Тогда увидимся сегодня. И ты расскажешь ровно столько, сколько захочешь».

Катя отложила телефон. На краю стола лежал пиджак. Она потянулась к нему, разгладила складку на рукаве и тут же убрала руку, словно поймала себя на чем-то постыдном.

Не на желании оставить его у себя. Просто на том, что ей хотелось помнить.

К девяти утра Катя убедила себя, что ночь закончилась ровно там, где должна была: в чужой спальне, до того, как незнакомый мужчина проснулся и стал кем-то, кому пришлось бы объяснять собственный уход. К полудню она уже почти поверила, что не станет вспоминать его взгляд, спокойный голос и то, как он спрашивал, нужно ли остановиться.

Почти.

А в квартире Демида, среди смятой простыни и утреннего света, на полу у кровати осталась её серебряная серёжка.

Глава 3. День, который можно пропустить

Первого сентября университет прислал Кате три напоминания о торжественном собрании.

Первое пришло на электронную почту, второе — в общий чат группы, третье Оксана переслала лично, добавив фотографию афиши с крупной надписью: «Новый учебный год — новые возможности!»

Катя прочла её за завтраком и отложила телефон экраном вниз.

— Не пойдёшь? — спросила мама, заглянув на кухню перед уходом.

— Не вижу смысла.

Мама поставила чашку в раковину и посмотрела на неё внимательнее. Не строго, не с подозрением — просто так, как смотрят люди, которые замечают, что ты третий раз за утро проверяешь одну и ту же страницу в телефоне.

— Начало последнего курса всё-таки.

— Именно. Я уже умею начинать учебный год без торжественной части.

— Как знаешь. Только не проведи весь день в комнате.

Катя пообещала не проводить. Мама ушла, дверь закрылась, и квартира снова стала тихой.

Катя всё равно провела утро в комнате.

Она разобрала сумку после клуба, нашла там заколку, жвачку и смятый билет на проход в клуб. Потом сложила платье в стирку, протёрла зеркало в ванной и открыла ноутбук, чтобы проверить расписание. На экране мелькали даты, аудитории и фамилии преподавателей. Она не стала читать внимательно. До начала занятий остался один день, а сегодня можно было притвориться, что никаких новых начал не существует.

На спинке стула висел чужой пиджак.

Катя замечала его каждый раз, когда проходила мимо. Каждый раз обещала себе, что уберёт его в шкаф, а потом оставляла на месте. Пиджак не был ни приглашением, ни обещанием. Просто вещь, которую она по рассеянности унесла с собой, как уносят чужой зонт или забывают свой шарф в такси.

И всё-таки он слишком заметно занимал комнату.

Катя сняла его со стула, аккуратно сложила и положила на край кровати. Потом тут же развернула — складки получились кривыми — и повесила обратно.

Телефон завибрировал.

Оксана: «Ты идёшь на собрание? Я уже обещала себе, что буду вести себя прилично, но одной мне быстро наскучит».

Катя набрала: «Не пойду».

Ответ пришёл почти сразу.

Оксана: «Ты заболела?»

Катя: «Нет».

Оксана: «Поссорилась с университетом?»

Катя: «Пока только с его афишами».

Оксана прислала смеющийся смайлик, а следом:

Оксана: «Я могу зайти. Куплю кофе, не буду спрашивать ничего лишнего».

Катя посмотрела на пиджак.

Катя: «Не надо. Просто не хочу изображать энтузиазм».

Оксана: «Это честно. Тогда позже хотя бы расскажешь, как прошла ночь?»

Катя положила телефон на стол. Можно было не отвечать. Можно было написать, что устала, что ничего особенного не произошло, что разговор закончится быстрее, если они обе сделают вид, будто никакой ночи не было.

Она снова посмотрела на пиджак.

«Ничего особенного» не подходило. Но и рассказать всё — означало признать, что она сама пока не знает, что об этом думать.

Катя подняла телефон.

Катя: «Случайно. Один раз. Больше не увидимся».

Она перечитала сообщение. Слова выглядели убедительно. Почти как решение.

Оксана ответила не сразу.

Оксана: «Ты так говоришь, будто составляешь протокол».

Катя усмехнулась.

Катя: «Протокол был бы длиннее».

Оксана: «Ладно. Не буду лезть. Но ты можешь не объяснять мне, почему не хочешь видеть этого человека снова. Достаточно того, что не хочешь».

Катя задержала взгляд на сообщении. Оксана умела не только шутить. Иногда она говорила простые вещи так, что от них становилось сложнее спрятаться.

Катя написала: «Я не сказала, что не хочу».

И тут же стёрла.

Вместо этого отправила: «Спасибо».

Телефон замолчал.

Она подошла к окну. У соседнего дома развесили флаги, возле остановки толпились школьники с букетами и коробками конфет всех размеров. Кто-то смеялся, кто-то фотографировался, кто-то растерянно искал одноклассников. На секунду Катя позавидовала их уверенности — или тому, как легко было принять за уверенность чужое волнение.

Ей самой в двадцать два не хотелось ни праздника, ни напутственных речей. Последний год казался не началом, а длинным коридором к двери, за которой нужно будет решить, что

делать дальше. Стажировка, работа, магистратура — слова, которые пока оставались вариантами в таблице, а не жизнью.

Она отвернулась от окна и взяла со стола телефон.

На экране высветился чат с Оксаной. Катя набрала: «Ты уже там?»

«Ещё нет. А что?»

Катя посмотрела на время. Если выйти сейчас, она успевала к началу. Можно было постоять в задних рядах, послушать выступления, поздороваться с одногруппниками и вернуться домой. Можно было не делать из первого сентября день, который нужно обязательно пережить в одиночестве.

Она всё равно не пошла.

Вместо этого налила себе кофе и устроилась с ноутбуком за столом. Несколько раз открывала расписание, каждый раз закрывала. Проверила почту, не найдя ничего важного. Ответила на сообщение одногруппницы про список литературы. Потом снова посмотрела на пиджак.

На внутреннем кармане обнаружилась маленькая складка подкладки. Катя провела по ней пальцами и тут же отдёрнула руку — будто проверяла не карман, а что-то личное. Она не стала искать в нём ни номер телефона, ни визитку. Это было бы похоже на желание найти причину связаться. А она же только что написала: «Больше не увидимся».

Катя не хотела превращать случайную ночь в обещание, которого никто не давал. Не хотела разыскивать человека, которому, возможно, всё равно, что она ушла. И не хотела называть сожалением то, что было её собственным выбором.

За окном ударил колокол — или просто громко хлопнула дверь подъезда. Катя вздрогнула, потом рассмеялась над собой. Всё утро она находила поводы не делать ничего, что могло бы вернуть её к той ночи, и всё равно возвращалась к ней мыслями.

Телефон снова завибрировал.

Оксана: «Я уже пережила собрание. Было скучно, как и обещала афиша. Ты ничего не пропустила».

Катя ответила: «Я и не сомневалась».

«Но теперь твоя очередь. Расскажи хоть одну подробность, которую не стыдно рассказывать».

Катя задумалась. Потом написала: «Он был внимательный».

Отправила.

Оксана не стала шутить. Несколько секунд на экране появлялись и исчезали точки — подруга печатала, стирала, снова печатала.

Оксана: «Это хорошая подробность».

Катя прочла сообщение дважды. Потом убрала телефон в сторону и стала собирать вещи к началу учёбы: блокнот, ручки, зарядку. В сумке обнаружилась одна серебряная серёжка.

Катя застыла.

Она сняла вторую с уха ещё вчера — уже дома, когда разбирала сумку. Или нет? Не могла вспомнить. Сначала проверила карманы, потом косметичку, затем пол под кроватью и пространство у тумбочки. Серёжки нигде не было.

Катя подошла к зеркалу. Вспомнила рассвет, тишину спальни и то, как не стала возвращаться в комнату. Вспомнила, что заметила отсутствие серёжки ещё у двери, но решила не искать.

На секунду ей захотелось позвонить в ту квартиру. Спросить, не видел ли Демид серёжку. Но номера у неё не было. Фамилии — тоже. Только имя, чёрная рубашка, спокойный голос и его пиджак, который она всё ещё держала у себя.

Катя положила серёжку рядом с пиджаком.

Теперь у неё было не одно, а два напоминания о том, что она старалась назвать случайностью.

Она могла написать Оксане. Могла поехать к клубу и спросить, не находил ли кто-нибудь её украшение. Могла отложить пиджак в шкаф и прожить ещё один день, не решая, что он значит.

Катя выбрала последнее.

Она убрала серёжку в маленькую коробочку, а пиджак повесила в шкаф — отдельно от своих вещей, на свободную вешалку. Потом закрыла дверцу.

Так было проще.

И всё же перед тем, как уйти из комнаты, Катя оглянулась на шкаф. На гладкую створку, за которой теперь висела чужая вещь. На мгновение ей показалось, что она не убрала пиджак, а спрятала вопрос.

Она вышла, не открывая дверцу снова.

Глава 4. Второе сентября

Утром второго сентября Катя надела простую белую рубашку, тёмные джинсы и маленькие серебряные серьги-гвоздики.

Уже у двери она остановилась, коснулась одной из них и подумала о другой — той, что, возможно, лежала где-то на полу в чужой спальне. Потом взяла сумку и вышла.

В шкафу за закрытой дверцей висел пиджак Демида. Катя не собиралась о нём думать. По крайней мере, до вечера.

На остановке она встретила Оксану. Та протянула ей стаканчик кофе и внимательно оглядела с головы до ног.

— Ты выглядишь как человек, который собирается пройти первый учебный день и никому не дать понять, что ты способна о ком-то думать.

— Спасибо. Именно такой эффект я и хотела произвести.

— Тогда всё удалось. Даже кофе взяла без сиропа. Совсем не ты.

Катя сделала глоток. Кофе оказался горячим и слишком крепким, но сейчас это было кстати.

Оксана не спросила про Демида. Не сразу, по крайней мере. Они говорили о расписании, о преподавателях, которых давно не видели, о том, что новый корпус опять перекрыли на ремонт, хотя его ремонтировали ещё весной.

Первые занятия прошли спокойно. Одногруппники обменивались летними историями, преподаватели раздавали списки литературы и напоминали, что четвёртый курс — не повод расслабляться. Катя записывала важное, кивала в нужных местах и почти не думала о чужой квартире, о рассвете и о фразе, которую сама написала Оксане: «Случайно. Один раз. Больше не увидимся».

Почти.

На перемене они с Оксаной вышли в коридор. В здании было шумно: кто-то обнимался после лета, кто-то искал аудиторию, кто-то уже жаловался на расписание. Возле лестницы стояла знакомая компания. Катя заметила Лену первой.

Она была в светлом платье, с распущенными волосами. Андрей стоял рядом, что-то рассказывал, широко улыбаясь. Когда Лена рассмеялась, он притянул её к себе и поцеловал.

Поцелуй был долгим и демонстративным. Слишком долгим для приветствия и слишком демонстративным для случайности.

Катя не сразу поняла, что смотрит прямо на них. Потом Андрей поднял глаза.

Он увидел её. Улыбка на секунду стала шире.

Вот тогда Катя поняла: он сделал это не только для Лены.

Она ждала, что её накроет боль. Что знакомое место под рёбрами стянет, что появится желание отвернуться или уйти. Но ничего такого не случилось. Вместо этого пришло холодное, почти спокойное отвращение — к его улыбке, к этому представлению, к тому, что он всё ещё пытался распоряжаться её реакцией.

— Не смотри, — тихо сказала Оксана.

— Я уже посмотрела.

— Тогда пошли.

Катя не двинулась с места.

Андрей оторвался от Лены и провёл ладонью по её талии. Лена поправила ворот платья, будто только сейчас вспомнила, что вокруг люди. Их взгляды встретились. В её лице мелькнуло что-то похожее на неловкость — быстрое, почти незаметное.

Катя первой отвела глаза.

— Пойдём, — сказала она.

Оксана двинулась рядом, не касаясь её, но оставаясь близко. Они прошли несколько шагов, прежде чем позади раздался голос Андрея:

— Катя!

Она продолжила идти.

— Катя, ты что, теперь не здороваешься?

Оксана бросила на неё взгляд. Катя остановилась и обернулась.

Андрей подошёл первым. Лена осталась у лестницы, но теперь смотрела на них. На лице Андрея было выражение лёгкой обиды — как будто он ожидал, что Катя обрадуется возможности поговорить.

— Привет, — сказала Катя.

— Вот видишь. Ничего сложного. — Он улыбнулся. — Как лето?

— Прошло.

— Коротко. — Он посмотрел на неё с привычной насмешливой теплотой. Когда-то Катя принимала её за близость. — Ты всё такая же серьёзная.

— А ты всё такой же внимательный к чужим выражениям лица.

Улыбка Андрея слегка дрогнула.

— Я просто спросил, как дела.

— Я ответила.

— Ладно. Не буду мешать. — Он пожал плечами и бросил взгляд в сторону Оксаны, словно та была причиной их короткого разговора. — Увидимся.

— Вряд ли, если не будем специально искать друг друга.

На мгновение между ними повисла тишина. Катя услышала, как где-то у аудитории хлопнула дверь. Андрей хмыкнул, будто она сказала что-то забавное, и вернулся к Лене.

Оксана дождалась, пока они отойдут.

— Ты в порядке?

— Да.

— Не говори «нормально». Я спросила именно это.

Катя посмотрела на лестницу, где Андрей уже снова наклонился к Лене. Та слушала его, но её улыбка выглядела натянутой.

— Я думала, будет хуже, — призналась Катя.

— А оказалось?

— Отвратительно. Но не больно.

— Это почти прогресс.

— Не уверена, что хочу называть прогрессом то, что мой бывший целуется на публике, проверяя, смотрю ли я.

— Его поведение — это его поведение. Твоё — то, что ты не стала делать вид, будто тебе всё равно, и не устроила сцену.

Катя криво улыбнулась.

— Я и правда не уверена, что мне всё равно.

— И не обязана быть уверена. Можно злиться. Можно скучать по тому, чего на самом деле не было. Можно одновременно хотеть, чтобы он исчез, и всё равно замечать, когда он входит в комнату.

— Спасибо за этот оптимистичный набор.

— Я же обещала не быть комическим персонажем.

Катя рассмеялась, и напряжение в плечах немного отпустило.

Они направились к лестнице. На площадке Катя обернулась в последний раз. Лена теперь говорила с кем-то из своей группы, Андрей стоял рядом и проверял телефон. Он выглядел так же, как всегда: уверенным в том, что внимание вокруг него — естественная часть любого помещения.

И Катя вдруг вспомнила не его поцелуй с Леной, а собственное лето. Сообщения, которые она перечитывала, хотя знала их наизусть. Разговоры, где она подбирала слова, чтобы не показаться слишком требовательной. То, как убеждала себя, что Андрей просто не любит объясняться.

Она не скучала по нему. Она скучала по версии отношений, которую сама за него придумала.

Это различие было болезненным, но ясным.

У следующей пары преподаватель попросил каждого коротко рассказать о планах на выпускной год. Кто-то говорил о стажировке, кто-то — о работе, кто-то сразу признался, что ещё ничего не решил. Когда дошла очередь Кати, она сказала, что хочет заниматься международным правом и рассматривает несколько вариантов после выпуска.

— Уже выбрали направление? — уточнил преподаватель.

— Пока нет.

— Хорошо. Значит, у вас ещё есть возможность передумать.

Катя записала эту фразу на полях тетради, сама не понимая зачем. «Есть возможность передумать» звучало лучше, чем «надо определиться». В этом году всё почему-то казалось окончательным: последним курсом, последними шансами, последней попыткой понять, чего она хочет. Но, возможно, жизнь не требовала от неё готового ответа прямо сегодня.

На перемене Оксана спросила:

— Ты хочешь поговорить про Андрея?

— Нет.

— Про ночного незнакомца?

Катя задержала стакан у губ.

— Тоже нет.

— Прекрасно. Тогда поговорим о том, что в столовой опять подают котлеты, которые выглядят как улики.

— Вот это действительно важно.

Они направились к буфету, но по дороге Оксана всё-таки сказала:

— Ты не обязана превращать ночь в историю, которую нужно кому-то объяснять.

Катя промолчала.

— Я серьёзно, — продолжила Оксана. — Ты можешь помнить её как хорошую ночь. Или как странную. Или вообще пока никак. Не надо заранее решать, что она означает.

— Я не решаю.

— Ты решила, что больше не увидитесь.

— Это не одно и то же.

— Конечно. Просто наблюдение.

Катя покачала головой, но спорить не стала. В словах Оксаны было слишком много правды, чтобы отмахнуться легко.

После обеда расписание развело их по разным аудиториям. Они условились встретиться перед третьей парой. Катя успела ответить на два сообщения, купить воду и проверить список литературы. В коридоре снова было тесно. Студенты расходились по кабинетам, кто-то торопливо повторял конспект, кто-то обсуждал преподавателей.

Катя увидела Оксану у лестницы и пошла к ней.

— Ну что, — сказала та, заметив её, — готова к ещё одной паре?

— Нет. Но это никогда не останавливало университет.

Они повернули к аудитории. Впереди кто-то держал дверь открытой, и из кабинета доносился приглушённый голос. Катя ещё не видела преподавателя, только тёмную доску и край стола.

Она поправила ремень сумки на плече и шагнула внутрь, не зная, что через минуту прошлое снова окажется ближе, чем ей хотелось бы.

Глава 5. Третья пара

В аудитории стало тише не сразу.

Сначала стихли разговоры у двери, потом кто-то перестал листать ленту на телефоне, и только после этого Катя заметила мужчину у преподавательского стола.

Чёрная рубашка.

Эта мысль мелькнула быстрее, чем она успела увидеть его лицо. Потом он поднял голову — и всё остальное в аудитории исчезло.

Демид.

Катя остановилась на полшага. Ремень сумки соскользнул с плеча, и она поймала его на лету. Между ними было несколько рядов парт и столько воздуха, что дышать стало нечем.

Он тоже узнал её.

Это длилось меньше секунды: короткая пауза, едва заметное напряжение в лице. Потом Демид отвёл взгляд и раскрыл лежавшую перед ним папку, будто ничего не произошло.

— Проходи, — шепнула Оксана за спиной.

Катя заставила себя двинуться. Они прошли к свободным местам в середине аудитории и сели рядом. Оксана поставила сумку на пол и наклонилась к Кате:

— Это он?

— Тише.

— Я и так шепчу.

— Оксана.

Подруга подняла ладони, показывая, что сдаётся, но в глазах у неё уже плясало любопытство. Катя смотрела на тетрадь. Лист был чистым, и это раздражало: ей хотелось занять руки чем угодно, лишь бы не поднять глаза.

У стола Демид выровнял стопку бумаг. Пиджака на нём не было. Рукава рубашки были застёгнуты, на запястье — часы. Он выглядел не как человек, с которым она провела ночь, а как преподаватель, которому сейчас предстояло начать занятие. В его лице не осталось ни следа той мягкости, с которой он спрашивал, всё ли в порядке.

Катя заставила себя вдохнуть.

Она могла встать и уйти. Могла сказать Оксане, что ей стало плохо. Могла придумать любую причину, чтобы не сидеть напротив него целую пару.

Но не ушла.

Демид поднял глаза на аудиторию.

— Добрый день. Меня зовут Демид Евгеньевич Воронцов. В этом семестре я буду вести у вас международное право.

Он говорил спокойно и чётко, без лишней торжественности. На доске появилась дата, ниже — тема первой лекции. Катя записала её, хотя буквы вышли слишком мелкими.

— Сегодня начнём с вопроса, который кажется простым, пока не приходится на него отвечать, — сказал он. — Что делает норму международного права обязательной?

Несколько человек отвели глаза. Кто-то принялся быстро листать конспекты. Демид не торопил.

— Согласие государств? — предложил студент у окна.

— Хорошо. А если согласие было, но государство заявляет, что больше не считает норму обязательной?

— Тогда зависит от договора, — сказала девушка впереди. — И от того, можно ли из него выйти.

— Верно. Но вопрос шире договора. Как вы думаете, право вообще существует без механизма принуждения?

Оксана наклонилась к Кате:

— Вот это уже звучит как экзамен.

Катя едва заметно качнула головой. Не сейчас.

Обсуждение постепенно оживало. Демид задавал вопросы, выслушивал ответы и не спешил закрывать тему готовой формулой. Когда кто-то путался, он уточнял — не высмеивал и не подсказывал за него. Он обращался к разным рядам, как будто каждый ответ действительно мог изменить ход разговора.

Катя следила за его голосом и пыталась отделить его от памяти о ночи. Получалось плохо. В паузах ей чудились знакомые интонации; когда он смотрел на кого-то в аудитории, она ловила себя на ожидании, что сейчас его взгляд остановится на ней.

Он не задерживался.

Ни разу не назвал её по имени. Ни разу не задал вопрос именно ей. Ни разу не позволил лицу выдать то, что они оба знали.

Это должно было облегчать. Вместо этого Катя чувствовала себя так, будто он тщательно обходил место, где она сидела.

— Представим, что государство подписало соглашение, — продолжал Демид. — Позже в нём сменилось правительство, и новые власти говорят: «Мы этого не обещали». Освобождает ли их такая позиция от обязательств?

— Нет, — уверенно сказал кто-то с последнего ряда.

— Почему?

Последний ряд замолчал.

— Потому что обязательства принимает государство, а не конкретный кабинет? — предположила студентка слева.

— Это один из аргументов. Есть ещё?

В аудитории снова повисла пауза.

Катя знала ответ. По крайней мере, могла его сформулировать. Она подняла руку прежде, чем успела передумать.

Демид посмотрел в её сторону.

На этот раз задержался ровно настолько, чтобы признать поднятую руку, и не дольше.

— Слушаю вас.

— Смена правительства сама по себе не отменяет международных обязательств государства, — сказала Катя. Голос прозвучал увереннее, чем она себя чувствовала. — Иначе любое соглашение можно было бы обойти после выборов. Но нужно отличать смену власти от ситуации, когда меняются сами обстоятельства или возникают основания для прекращения договора.

— Хорошо. Какие основания вы имеете в виду?

Катя на мгновение сбилась. Вопрос был не сложным, но под его взглядом слова вдруг встали в очередь и перестали слушаться.

— Например, существенное нарушение договора другой стороной. Или невозможность его исполнения — если она действительно наступила, а не используется как удобная формулировка.

— «Действительно наступила» — важное уточнение, — сказал Демид. — Как вы предложили бы отличить невозможность от нежелания исполнять обязательство?

Катя прижала ручку к бумаге.

Можно было ответить коротко. Можно было обойти острый угол. Но вопрос был по делу, и она не собиралась прятаться за тем, что происходило между ними вне этой аудитории.

— По фактам, а не по заявлению стороны. Нужно смотреть, что именно стало невозможным, можно ли это было предвидеть и не создало ли государство препятствие своими действиями.

— А если оценка фактов спорная?

— Тогда спор не исчезает. Его рассматривают в установленном порядке, а не решают односторонним отказом от обязательств.

Демид чуть наклонил голову.

— Приемлемо. Но осторожнее с формулировкой «рассматривают в установленном порядке». Международное право не всегда располагает механизмом, который стороны считают обязательным.

Катя ощутила, как в груди поднимается знакомое упрямство.

— Тогда отсутствие общего механизма не превращает одностороннее решение в правомерное.

На этот раз он улыбнулся — едва заметно, почти исключительно глазами. Катя помнила эту улыбку. Помнила, как в ночной тишине она вызвала у неё желание сказать больше, чем собиралась.

Теперь она не могла понять, была ли эта реакция просто профессиональным одобрением или чем-то ещё.

— Верно, — сказал Демид. — Здесь важно не смешивать вопрос о содержании обязательства с вопросом о том, как добиться его исполнения.

Он повернулся к аудитории и продолжил обсуждение, не добавив ничего лично ей. Катя опустила взгляд и записала: «обязательность нормы эффективность принуждения». Почерк постепенно выровнялся.

Оксана ничего не сказала. Только коснулась носком её туфли под партой — короткий знак: я заметила, я здесь. Катя ответила таким же лёгким движением.

Лекция продолжалась. Демид говорил о международных договорах, обычаях и ответственности государств, приводил примеры, в которых не было простых ответов. Катя слушала и постепенно переставала слышать за каждой фразой их личную историю. Не потому, что забыла о ней, а потому, что впервые за несколько дней смогла занять собой другое пространство — то, где у неё были знания, вопросы и право спорить.

Когда прозвенел звонок, никто не вскочил сразу. Несколько студентов подошли к столу уточнить список литературы. Демид отвечал, показывая нужные страницы в распечатке.

Оксана собирала вещи медленно.

— Ты заметила, что он смотрел на тебя? — спросила она вполголоса.

— Он смотрел на того, кто отвечал.

— Разумеется.

— Оксана.

— Я ничего не говорю.

— Ты говоришь лицом.

— Моё лицо не починяется контролю, как мой язык.

Катя застегнула сумку. Она не смотрела на Демида, но чувствовала, что он всё ещё в аудитории. Ей хотелось уйти первой. И одновременно — задержаться на минуту, чтобы он хотя бы сказал что-нибудь обычное. Что угодно, что подтвердило бы: та ночь была настоящей, а не странным сном, который теперь нужно вычеркнуть.

Оксана поднялась.

— Пойдём?

— Иди. Я сейчас.

Оксана остановилась, но не стала спрашивать почему. Только посмотрела на Катю и перевела взгляд на преподавательский стол. Потом кивнула и вышла вместе с остальными.

В аудитории осталось несколько человек. Демид поднял на Катю глаза, когда она встала. Ни удивления, ни улыбки — только внимательный, сдержанный взгляд.

— Хорошо ответили, — сказал он.

Катя крепче сжала ремень сумки.

— Это было по теме.

— Да. Именно поэтому и говорю.

Фраза прозвучала почти нейтрально. Почти. Катя почувствовала, как от привычного напряжения поднимаются плечи.

— Спасибо, Демид Евгеньевич.

Она произнесла его имя так же официально, как он — её ответ.

На мгновение он будто хотел добавить что-то ещё. Но остановился и посмотрел на стопку бумаг.

— До следующей пары, Екатерина.

— До свидания.

Катя вышла в коридор. Оксана ждала у окна, прислонившись к подоконнику.

— Ну? — спросила она.

— Ничего.

— «Ничего» — это ответ или просьба не задавать вопросов?

— И то и другое.

Оксана подхватила её под руку.

— Принято. Но ты побледнела.

— Я не побледнела.

— Тогда это просто свет в коридоре. Очень драматичный свет.

Катя не ответила. Она оглянулась на дверь аудитории. За ней Демид, наверное, уже собирал бумаги — всё так же спокойно, как собирал их утром. Между ними теперь были парты, расписание и слово «профессионально», которого ещё никто не произнёс вслух.

В сумке лежала ручка, которой она записала его фамилию в тетрадь.

А дома, в закрытом шкафу, висел его пиджак.

Глава 6. После лекции

Катя успела сделать три шага по коридору, когда услышала за спиной:

— Екатерина, задержитесь, пожалуйста.

Она остановилась. Оксана, шедшая рядом, тоже. На лице подруги появилось выражение человека, которому только что вручили билет на спектакль.

— Я подожду у лестницы, — быстро сказала она.

— Оксан…

— Я просто подожду. Совершенно случайно. В общественном месте. — Она направилась дальше, но на ходу добавила: — Не торопись.

Катя повернулась к Демиду. Он стоял у двери аудитории и придерживал её, пропуская выходивших студентов. Голос у него был ровный, официальный. Если бы Катя не знала его, она бы ничего не заподозрила.

Она вернулась.

Демид дождался, пока последняя студентка скроется за поворотом, и только потом отпустил дверь.

— Я не задержу вас надолго, — сказал он.

— Хорошо.

В пустеющей аудитории стало слышно, как в коридоре перекликаются студенты и гулко захлопываются двери. Катя осталась у порога. Садиться не хотелось.

Демид положил на стол журнал, который собирался унести, и посмотрел на неё.

— Вы предпочитаете, чтобы я обращался к вам по фамилии?

Вопрос оказался таким неожиданным, что Катя не сразу ответила.

— Почему?

— Я не хочу выделять вас. Но и не хочу делать вид, будто мы совсем не знакомы, если это будет выглядеть странно.

Катя почувствовала, как внутри что-то сжалось. Не от самого вопроса — от осторожности, с которой он подбирал слова. Будто они стояли на тонком льду и оба видели трещины.

— Обращайтесь как ко всем, — сказала она. — Екатерина, если так принято. Или по фамилии.

— Хорошо.

Он не спросил, почему она ушла утром. Не спросил, куда торопилась и думала ли о нём после. И Катя была благодарна ему за это. И одновременно ей хотелось, чтобы он спросил.

— Я не ожидал увидеть вас в аудитории, — продолжил Демид. — Понимаю, что это прозвучит очевидно, но мне нужно было сказать.

— Да. Я тоже не ожидала.

— Ситуация неловкая.

— Неловкая — не то слово.

В уголке его рта появилась короткая улыбка, но сразу исчезла.

— Справедливо.

Катя прижала к боку ремень сумки. Она не знала, что должна чувствовать, и не хотела, чтобы он принимал решение за неё. Ночь была её выбором. Утренний уход — тоже. Сейчас перед ней стоял человек, который одновременно был незнакомцем из клуба и преподавателем, оценивающим её работу. Эти две версии не складывались в одну, как бы тщательно она ни старалась.

— Я не собираюсь обсуждать произошедшее здесь, — сказал он. — И не собираюсь вести себя с вами иначе, чем с другими студентами.

— Хорошо.

— Если мой тон на лекции показался вам слишком… — он помедлил, — официальным, то это было намеренно. Я не хотел, чтобы кто-нибудь решил, будто вам уделяют особое внимание.

— Я заметила.

— Я не хотел, чтобы вы почувствовали себя обязанной отвечать.

— Я подняла руку сама.

— Да. И ответили по существу.

Он говорил просто, без похвалы, которая могла бы показаться наградой за что-то личное. Катя поняла, что именно это и должно было её успокоить. Но спокойнее не стало.

— Мы можем вести себя профессионально, — сказала она.

— Можем. Но мне кажется правильным проговорить это, а не надеяться, что мы оба догадаемся.

Катя посмотрела на него внимательнее. Усталость проступала теперь сильнее, чем в аудитории. Не физическая — скорее та, которую человек долго носит при себе и не считает нужным объяснять.

— Вы злитесь? — спросила она.

Демид чуть нахмурился.

— На что?

— На то, что я ушла утром.

Вопрос вырвался раньше, чем Катя решила его задать. Теперь она пожалела, но уже не могла забрать слова назад.

Он опустил взгляд на журнал, потом снова посмотрел на неё.

— Я заметил, что вы ушли.

— Это не ответ.

— Нет. Я не злюсь. Меня это задело, но это не одно и то же.

Катя почувствовала, как щеки начинают теплеть. Она не была готова к такой прямоте.

— Я не знала, что сказать.

— Вы не были обязаны что-то говорить.

— Я могла разбудить вас.

— Могли. Но не должны были.

— И вас устроило, что я просто исчезла?

— Я не сказал, что мне было всё равно.

В его голосе не было обвинения. Только факт, который он не собирался превращать в претензию.

Катя отвела взгляд к доске. Там ещё оставалась запись, сделанная его рукой: «обязательность нормы — не то же самое, что возможность принудить к её исполнению». Она машинально прочитала фразу, словно та могла помочь разобраться и в их разговоре.

— Я не хотела, чтобы утро превратилось в разговор о том, что теперь будет, — сказала она наконец.

— Я понимаю.

— Вы не можете понимать, если не спросите.

Демид помолчал.

— Тогда спрошу: вы жалеете?

Катя посмотрела на него. Вопрос звучал спокойно, но в нём была осторожность человека, который готов принять любой ответ и не уверен, что хочет его услышать.

— Нет, — сказала она. — Но это не значит, что я хочу продолжения.

— Я не собирался предполагать обратное.

— Хорошо.

— И вы не должны объяснять мне свой выбор.

Катя не знала, почему эта фраза одновременно облегчила её и задела. Возможно, потому, что в ней не было ни капли обещания. Или потому, что она сама не просила обещаний.

За дверью раздался голос Оксаны:

— Катя, всё в порядке?

— Да, — ответила Катя.

Демид посмотрел на дверь, но не стал комментировать.

— Вам, наверное, нужно идти, — сказал он.

— Да.

Она взялась за ремень сумки. В коридоре Оксана ждала у окна, делая вид, что внимательно изучает объявление о наборе в студенческий клуб. Катя уже шагнула к двери, когда Демид добавил:

— Если вам станет некомфортно на моих занятиях, скажите заведующей кафедрой. Или напишите мне по университетской почте. Не нужно терпеть только потому, что мы однажды встретились вне университета.

Катя обернулась.

— Я не собираюсь терпеть.

— Хорошо.

— И вы не должны делать вид, будто ничего не произошло, если это мешает вам вести занятия.

Он на мгновение задержал на ней взгляд.

— Я справлюсь со своей частью.

Катя кивнула. Это было не обещание близости и не отстранение. Просто граница, которую он обозначил так же ясно, как тему на доске.

— До свидания, Демид Евгеньевич.

— До свидания, Екатерина.

В коридоре Оксана отошла от объявления.

— Всё в порядке?

— Да.

— Он сказал что-то ужасное?

— Нет.

— Хорошее?

Катя пошла к лестнице.

— Сказал, что не злится.

Оксана догнала её.

— А ты хотела, чтобы злился?

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

— Какое?

— Будто ты получила правильный ответ на вопрос, который не задавала.

Катя остановилась у окна. Во дворе студенты шли через площадь; ветер подхватывал края афиш на стенде. День продолжался, совершенно не считаясь с тем, что для неё эта пара уже закончилась.

— Он сказал, что его задело, что я ушла, — призналась Катя.

— И?

— И что я не была обязана оставаться.

Оксана помолчала.

— Это звучит… здраво.

— Очень раздражающе здраво.

— Ты хотела, чтобы он предъявил тебе претензию?

— Нет.

— Тогда, может, раздражает не он.

Катя посмотрела на подругу.

— А кто?

— Та часть тебя, которая надеялась, что он попросит остаться. Или хотя бы спросит почему.

Катя хотела возразить. Сказать, что Оксана опять всё усложняет, что она ничего не ждала и вообще не собирается разбирать одну ночь на части. Но эти слова уже звучали в её голове слишком знакомо.

— Я не знаю, чего хотела, — сказала она.

— Нормально не знать. Главное — не выдавать незнание за окончательный ответ.

Оксана легко коснулась её плеча и пошла дальше, оставив Кате время.

Катя осталась у окна ещё на несколько секунд. Потом достала телефон. Никаких новых сообщений. Она открыла переписку с Оксаной, закрыла её и убрала телефон обратно в сумку.

В аудитории Демид говорил с ней как с любой другой студенткой. После лекции — как с человеком, с которым однажды провёл ночь. Не больше и не меньше.

Катя не могла решить, успокаивает её эта точность или заставляет ждать чего-то, чего он ей не обещал.

Она пошла за Оксаной, стараясь не торопиться. На третью пару она пришла как студентка. Из аудитории вышла — всё ещё не зная, кем для неё стал мужчина у доски.

Глава 7. Никаких особых условий

Демид нашёл на столе чужую ручку уже после того, как коридор опустел.

Недорогая, синяя, с треснувшим колпачком. Он повертел её в пальцах и положил на край стола — туда, где заметят на следующей паре.

Не Катина.

Он поймал себя на том, что успел об этом подумать, и закрыл журнал.

Разговор вышел хуже, чем он рассчитывал. Слишком осторожный там, где стоило говорить прямо, и слишком личный там, где следовало остановиться. «Меня это задело». Зачем он сказал? Она спросила, да. Но теперь ему приходилось отделять честный ответ от желания получить что-нибудь взамен.

Катя ничего ему не обещала. Ни утром, ни сейчас.

За окном хлопала незакреплённая створка. Демид подошёл, закрыл её и вернулся к столу. В открытом журнале стояли фамилии людей, чьи работы ему предстояло проверять.

До сегодняшнего дня это казалось простым.

Он достал телефон и нашёл номер заведующей кафедрой.

— Ирина Павловна? У вас найдётся десять минут? Нужно обсудить распределение нагрузки.

— Уже что-то не устраивает? — спросила она без раздражения, скорее с усталостью.

— Есть обстоятельство, о котором я должен сообщить.

После короткой паузы она ответила:

— Подойдите. Я пока здесь.

***

У Ирины Павловны на подоконнике сохли кружки. На столе лежали две раскрытые папки, у клавиатуры — недоеденное яблоко на бумажной салфетке.

— Садитесь, — сказала она, заканчивая письмо. — Что случилось?

Демид сел напротив. Несколько секунд смотрел, как мигает курсор на её экране.

— В одной из групп оказалась студентка, с которой у меня было личное знакомство до начала работы с курсом. Сегодня мы впервые встретились в университете.

Ирина Павловна убрала руки с клавиатуры.

— Насколько личное?

— Достаточно, чтобы я не мог принимать решения, от которых зависят её оценки.

Заведующая посмотрела на него поверх очков.

— Она знала, что вы будете преподавать?

— Нет. Я тоже не знал, что она здесь учится.

— Отношения продолжаются?

— Нет.

Слово прозвучало сухо. Демид положил ладони на колени, чтобы не поправлять лежавшую перед ним папку.

Ирина Павловна откинулась на спинку кресла.

— Имя.

Он назвал.

Она нашла студентку в списке, сделала пометку карандашом.

— Она уже отвечала у вас?

— Участвовала в обсуждении на лекции. Отметок я не выставлял.

— Хорошо. Что предлагаете?

— Передать другому преподавателю проверку её письменных работ и итоговую аттестацию. Курсовую, если она выберет тему по нашей дисциплине, тоже. Я не должен быть её руководителем или рецензентом.

— Одного зачёта мало, — сказала Ирина Павловна. — Если за семестр накапливаются баллы, проверять нужно с самого начала.

— Согласен.

— И рекомендации на конкурсы, проекты, стажировки.

— Да.

Она снова посмотрела в список.

— Можно подключить Марину Викторовну. Но сначала я поговорю с ней о нагрузке. И со студенткой, разумеется.

— Я не хотел бы, чтобы её переводили в другую группу.

— Вы сейчас о чьём удобстве беспокоитесь?

Демид выдержал взгляд.

— Она не должна менять расписание из-за обстоятельств, которые возникли в моей работе.

— Решать за неё мы тоже не будем.

— Конечно.

Ирина Павловна сняла очки, протёрла стекло краем салфетки и лишь потом продолжила:

— Подготовьте служебную записку. Коротко: предшествующее личное знакомство, возможный конфликт интересов, просьба отстранить вас от оценивания. Без подробностей.

Демид кивнул.

— Я бы хотел, чтобы сведения остались в пределах тех, кому они нужны для организации работы.

— Я не собираюсь обсуждать вашу личную жизнь на заседании кафедры, — сказала она. — Но назначенный преподаватель должен знать, почему принимает чужие работы. И она сама должна понимать, что меняется.

— Да.

— Вы ей сказали?

— Мы поговорили после лекции. Я сказал, что личное знакомство не должно влиять на учёбу.

— Это намерение. Пока ещё не порядок работы.

Демид опустил глаза.

На лекции он следил за собой так тщательно, будто ровный голос и одинаковые вопросы могли всё исправить. А потом попросил Катю вернуться и заговорил о том утре.

Ирина Павловна придвинула к себе папку.

— Напишите сегодня. Пока распределение не оформлено, никаких баллов и решений по ней. Организационные вопросы — через кафедру.

— Понял.

— И, Демид Евгеньевич… Не пытайтесь компенсировать ситуацию излишней строгостью. Это тоже особое отношение.

Он вспомнил, как задал Кате второй уточняющий вопрос, а потом третий. По существу. Но задал бы столько же другому?

— Учту.

Он поднялся.

— Спасибо.

— Благодарить будете, когда мы утвердим нагрузку, — ответила заведующая и вернулась к письму. — Дверь оставьте открытой.

***

В преподавательской никого не было. Демид включил ноутбук и открыл новый документ.

Первую фразу переписал дважды.

«В связи с обстоятельствами личного характера…»

Слишком расплывчато.

«Сообщаю о личном знакомстве со студенткой, возникшем до начала моей преподавательской работы с её группой…»

Он остановился. На экране фамилия Кати выглядела непривычно. В клубе она была просто Катей. Теперь рядом с её именем появились курс, группа и дисциплина.

Он дописал просьбу, перечислил виды оценивания, перечитал. В тексте не было ничего о том, как она смеялась, стоя у входа в клуб, или как сонно ответила невпопад, уже засыпая.

И правильно, что не было.

Демид отправил документ Ирине Павловне.

Потом открыл университетскую почту и несколько секунд смотрел на пустое поле нового письма. Можно было предупредить Катю самому. Объяснить, прежде чем она услышит от кого-то другого.

Он написал: «Екатерина, после нашего разговора…»

И остановился.

Решения ещё не было. Заведующая собиралась обсудить с ней условия, а он уже готовился сообщить всё как свершившийся факт. Демид закрыл черновик, не сохраняя.

***

Дома Катя обнаружила, что почти не помнит дорогу от остановки.

Мама ещё не вернулась. В раковине стояла утренняя чашка, на кухонном столе лежал список покупок. Катя добавила в него хлеб и взяла яблоко.

Обычные дела помогали. Можно было вымыть чашку, разобрать сумку, загрузить рубашку в стиральную машину. Для всего этого не требовалось понимать, что происходит.

В тетради по международному праву между страницами застряла крышка от ручки. Катя достала её и прочла конспект.

Он действительно хорошо объяснял.

От этого было только хуже. Она хотела заниматься этой дисциплиной ещё до того, как узнала его имя. Теперь даже собственный интерес приходилось проверять: слушала, потому что тема важна, или потому что говорил он?

Катя захлопнула тетрадь.

Телефон зазвонил. Оксана.

— Ты доехала?

— Нет, я до сих пор стою у университетского окна.

— Судя по голосу, примерно так и есть. Я сегодня не смогу зайти. Мама решила переставить шкаф. Угадай, кто у неё грузчик.

— Ты же говорила, что у вас больше нечего переставлять.

— Я тоже так думала. Как ты?

Катя посмотрела на закрытую тетрадь.

— Собираюсь почитать к семинару.

— Тогда не мешаю. Только поешь. И не говори, что кофе считается.

После звонка Катя сходила на кухню за тарелкой, вернулась в комнату и открыла шкаф.

Пиджак висел отдельно, рукавом касаясь её кардигана. Теперь вернуть его было несложно: она знала, где найти владельца. Но представить, как подходит к преподавательскому столу с пакетом, оказалось труднее, чем раньше — поездку к незнакомому подъезду.

Катя достала пиджак и расправила на кровати. Проверила, не осталось ли на ткани волос, нашла чистый чехол.

Завтра отдаст. Через кафедру, если понадобится. Не будет хранить его до зимы только потому, что не умеет придумать две нормальные фразы.

На телефоне появилось сообщение старосты.

«Кать, ты ещё в универе?»

«Уже дома. А что?»

«На кафедре спрашивали, как с тобой связаться. Я сказала, что лучше написать. Проверь почту».

Катя перечитала сообщение.

«Кто спрашивал?»

«Ирина Павловна. Наверное, по курсовой».

Во входящих было новое письмо.

«Екатерина, добрый день. Прошу завтра после занятий зайти на кафедру для обсуждения организации работы по международному праву. Время сообщите ответным письмом».

Катя медленно положила яблоко на тарелку.

Значит, разговор в аудитории всё-таки был не последним.

Она открыла чат с Оксаной, набрала: «Меня вызывают на кафедру». Посмотрела на сообщение и пока не отправила.

Возможно, речь действительно шла о курсовой. Возможно, Ирина Павловна писала нескольким студентам.

Но Катя уже слышала его голос: «Я справлюсь со своей частью».

О чём именно он успел договориться?

Она ответила заведующей, что придёт после последней пары, и поставила телефон на зарядку. Потом застегнула чехол с пиджаком, чуть сильнее, чем требовалось.

Ещё час назад Катя пыталась понять, чего ждёт от Демида.

Теперь ей хотелось знать, что он решил без неё.

Глава 8. Первая граница

Чехол с пиджаком весь день мешал.

Сползал с коленей, цеплялся за край стула, занимал соседнее место в автобусе. Катя дважды пожалела, что взяла его с собой, и оба раза напомнила себе: завтра легче не станет.

Перед последней парой Оксана кивнула на чехол:

— Решила вернуть?

— Нет, теперь буду везде носить. Очень удобная вещь.

— Особенно на физкультуре.

Катя положила чехол к стене.

— Зайду на кафедру и оставлю. Всё равно вызывают.

Она рассказала Оксане о письме утром — коротко, пока они поднимались по лестнице. Подруга предложила пойти вместе, но Катя отказалась. Ей не хотелось входить к заведующей с сопровождением, словно она уже нуждалась в защите.

Теперь, стоя перед дверью, Катя обнаружила, что забыла все заготовленные вопросы.

Внутри звонил телефон. Ирина Павловна ответила, кому-то велела прислать исправленный список и только потом сказала:

— Войдите.

Катя открыла дверь.

— Здравствуйте.

— Добрый день. Проходите, садитесь.

На столе стояла чашка с остывшим чаем. Возле монитора лежали очки, под ними — распечатка с пометками. Ничего торжественного или угрожающего. От этого собственное напряжение казалось почти нелепым.

Катя устроила чехол на коленях.

Ирина Павловна посмотрела на него, затем перевела взгляд на её лицо.

— Демид Евгеньевич сообщил о вашем личном знакомстве, которое состоялось до начала занятий. Я пригласила вас обсудить, как организовать дальнейшую работу по дисциплине.

У Кати стало горячо под воротником.

Она знала, что услышит что-то подобное. И всё равно оказалась не готова к тому, что незнакомая женщина произнесёт «ваше личное знакомство» над листом с её фамилией.

— Что именно он сообщил?

— Что знакомство достаточно близкое, чтобы исключить его участие в вашем оценивании. Подробностей я не запрашивала. От вас они тоже не нужны.

Катя провела большим пальцем по шву чехла.

— Я ничего у него не просила.

Ирина Павловна чуть выпрямилась.

— Речь не о том, что вы просили.

— Но выглядит именно так.

— Пока это выглядит как необходимость назначить другого преподавателя. Давайте сначала я объясню, что предлагается, а потом вы зададите вопросы.

Катя кивнула. Слишком резко.

Заведующая развернула к себе распечатку.

— Ваши письменные работы и итоговый зачёт будет принимать Марина Викторовна. Она же сможет руководить курсовой, если вы выберете данную дисциплину. Демид Евгеньевич не будет выставлять вам баллы или участвовать в решениях по вашей аттестации.

— То есть мне придётся переходить в другую группу?

— Не обязательно. Лекции можно посещать со своей. Для семинаров есть два варианта: перейти к Марине Викторовне или остаться в расписании группы, но выполнять оцениваемые задания отдельно у неё. Мы постарались подобрать время без накладок.

Катя посмотрела на лист. Рядом с обычным расписанием стояло ещё одно — консультации, адрес почты, часы приёма.

За одно утро у её учёбы появилась отдельная инструкция.

— Он сам этого попросил?

— Да.

— А со мной поговорить не мог?

— Это вам лучше обсудить с ним. Я могу ответить за то, как будет устроен учебный процесс.

В коридоре кто-то засмеялся. Катя узнала голос одногруппницы и невольно посмотрела на дверь.

— Кто об этом знает?

— Я и Марина Викторовна. Сотрудникам, которые оформляют документы, сообщим об изменении распределения нагрузки. Причину обсуждать с ними не требуется.

— А группе?

— Группе не нужно объяснять, кто проверяет ваши работы.

Катя наконец отпустила шов.

— Я не хочу менять семинарскую группу.

— Хорошо. Тогда оставляем ваше расписание и согласовываем с Мариной Викторовной порядок сдачи заданий.

— Она будет спрашивать строже?

Ирина Павловна на секунду замолчала.

— У вас будет та же программа и те же критерии.

— Просто… — Катя посмотрела на распечатку. — Теперь мне, видимо, придётся доказывать, что я вообще что-то знаю.

— Екатерина, вы учились до знакомства с Воронцовым?

— Три года.

— И оснований сомневаться в ваших результатах у нас нет. Не создавайте их себе сами.

Это было сказано без улыбки, и именно поэтому Катя услышала.

Она наклонилась к листу, прочитала часы консультаций.

— По четвергам я могу после четвёртой пары. Но не каждую неделю. У меня работа с материалами для курсовой.

— Напишите Марине Викторовне, договоритесь о графике. Если предложенное время не подходит, ищем другое. Это обсуждаемо.

Катя подняла глаза.

— А само решение?

— Отстранение Демида Евгеньевича от оценивания — нет. Это его профессиональная ответственность. Как именно вы будете сдавать работы другому преподавателю — да, здесь мы учитываем ваши возможности.

Ей нечего было возразить. Это раздражало сильнее всего.

— Пришлите мне, пожалуйста, эти условия на почту, — сказала она после паузы. — Чтобы я ничего не перепутала.

— Разумеется.

Ирина Павловна сделала пометку.

Разговор, к которому Катя готовилась почти сутки, закончился за двенадцать минут. Ни обвинений, ни предупреждений, ни просьбы «вести себя разумно». Только теперь она поняла, сколько всего успела мысленно выслушать ещё до того, как вошла.

В дверях Катя задержалась.

— Спасибо, что объяснили.

— Пишите, если возникнут сложности.

Катя вышла, по-прежнему держа чехол с пиджаком.

***

Оксана сидела на подоконнике этажом ниже и пыталась закрыть сумку, из которой торчал угол толстой папки.

— Ну?

— Ничего страшного.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тебе предложили пересдать первый курс?

Катя прислонилась к стене.

— Он отказался проверять мои работы.

Оксана перестала бороться с молнией.

— И зачёт?

— Тоже. Всё передали Марине Викторовне. Курсовую, если буду писать у них.

— Так.

— Что — «так»?

— Я слушаю.

Катя рассказала. Про отдельные задания, про расписание, про то, что переводиться не обязательно. Чем подробнее объясняла, тем разумнее всё звучало. Собственная злость от этого никуда не уходила, только становилась неловкой.

— Получается, он сделал ровно то, что должен, — сказала Оксана.

— А я, получается, должна обрадоваться?

— Нет. Но можно хотя бы не обижаться на него за то, что он не будет ставить тебе оценки.

— Я не из-за оценок.

— Тогда из-за чего?

Катя посмотрела на чехол.

— Вчера мы договорились, что будем вести себя профессионально. А потом он пошёл и сообщил, что со мной нужны специальные меры.

Оксана соскользнула с подоконника.

— С ним, Кать. Это ему нельзя тебя оценивать.

— На занятия отдельно ходить мне.

— Ты же сказала, расписание оставили.

— Ты на чьей стороне?

Оксана выдохнула. Поставила сумку на пол.

— Я ждала тебя пол часа на подоконнике с мёртвой мухой. Как думаешь?

Катя невольно посмотрела на подоконник.

— Где?

— Уже неважно. Не меняй тему.

Она всё-таки улыбнулась — коротко, нехотя. Оксана улыбаться не стала.

— Ты можешь злиться, что он не предупредил. Я бы тоже злилась. Но не надо делать из самой границы обиду. Он ведь не тебя с курса убрал.

Катя помолчала.

— Я вошла туда и сразу начала говорить, что ничего у него не просила.

— А тебя об этом спросили?

— Нет.

Оксана кивнула, но не стала ничего добавлять.

Вот за это Катя была ей благодарна. За редкую способность вовремя оставить неприятный вывод недоговорённым.

На телефоне появилось письмо от Ирины Павловны. Катя увидела вложение, адрес Марины Викторовны и короткое: «Направляю согласованный порядок».

Согласованный.

Её ведь действительно спросили. О расписании, о группе, о времени. Она сама сказала, что ей подходит.

Почему же всё ещё хотелось доказать, что её нельзя просто переставить с одного места на другое?

***

У двери кафедры Катя остановилась.

— Подожди минуту.

— Ты ещё что-то хочешь выяснить?

— Нет. Отдать.

Она подняла чехол.

В приёмной сотрудница складывала конверты в пластиковый лоток. Демида не было.

— Извините, можно оставить для Воронцова?

— Что передать?

— Пиджак.

Женщина освободила крючок на вешалке.

— Повесьте сюда. Подпишите, кому, пожалуйста.

Катя взяла со стола листок, написала имя и отчество. Потом добавила свою фамилию — чтобы он знал, что вещь вернулась не откуда-то ещё.

Никакого «спасибо за ту ночь». Никакого объяснения, почему она унесла пиджак. Только маленький листок, сложенный пополам и зацепленный за молнию.

Когда Катя вышла, Оксана уже застегнула сумку.

— Домой?

— Сначала в библиотеку. На полчаса.

— Зачем?

— Мне нужен учебник.

Оксана посмотрела на неё внимательнее.

— Тот, по которому он ведёт?

— Тот, по которому мне сдавать.

Они пошли к лестнице. У Кати впервые за день были свободны обе руки.

Перед входом в библиотеку она ещё раз открыла письмо заведующей, нашла адрес Марины Викторовны и нажала «Ответить».

«Добрый день. Ирина Павловна сообщила, что мои работы будете проверять вы. Подскажите, пожалуйста, когда можно обсудить тему курсовой…»

Катя перечитала начало. Убрала слово «мои» — оно показалось лишним. Потом вернула.

Это были её работы. И тема ещё не была выбрана.

Она дописала письмо и отправила.

На Демида она всё ещё злилась. Но учебник нужен был ей независимо от этого.

Глава 9. Записка без подписи

Листок выпал из учебника, когда Катя открыла его на кухне.

Небольшой прямоугольник, оторванный от обычной бумаги. Он скользнул по столу и остановился у чашки. Катя сначала решила, что это библиотечная памятка: вчера ей выдали книгу вместе с таким количеством предупреждений о сроках возврата, что одно вполне могло затеряться между страницами.

Потом увидела почерк.

«Серебряная серьга нашлась. Завтра после десяти оставлю в деканате в закрытом конверте на ваше имя. Можно забрать в часы работы».

Ни подписи, ни номера телефона.

Катя прочла ещё раз.

На сегодняшней лекции она оставляла учебник на парте, когда подходила к старосте за распечатками. Демид в это время раздавал задания по рядам. Вернувшись, Катя заметила у сгиба страницы белый уголок и, не глядя, закрыла книгу: нужно было успеть записать то, что появилось на доске.

Он мог сказать после пары. Мог остановить её в коридоре — достаточно было нескольких слов.

Но выбрал записку.

Катя отодвинула чашку, чтобы случайно не намочить бумагу.

Серьга нашлась.

Несколько дней она убеждала себя, что потеря невелика. Украшение простое, серебряное, без камня. Можно купить похожую пару. Можно носить другие — что она и делала. Теперь же, увидев эти три короткие строчки, Катя почувствовала облегчение, несоразмерное стоимости вещи.

Ей не придётся возвращаться в ту квартиру.

Не придётся придумывать, как спросить: «Ты не находил?..»

И не придётся решать, чего она на самом деле хочет — забрать серьгу или ещё раз увидеть, как он открывает ей дверь.

Катя встала и включила чайник, хотя чай уже был готов.

***

Лекция прошла почти обыкновенно.

Катя пришла заранее, выбрала привычное место рядом с Оксаной, достала тетрадь. Демид поздоровался со всей группой и сразу попросил открыть материалы. На этот раз на нём был пиджак.

Не тот.

Катя успела это отметить и разозлилась на себя за внимательность.

Он не искал её взгляда, не спрашивал, как прошёл разговор с заведующей. Когда объяснял задание, смотрел то на экран, то в аудиторию. Катя записывала и лишь к середине пары заметила, что перестала следить за каждым его движением.

Рядом Оксана нарисовала на полях тетради прямоугольник с ножками и подвинула рисунок к ней.

Под ним было написано: «Шкаф победил».

Катя прикрыла рот ладонью.

После пары выяснилось, что во время перестановки у Оксаны дома сломалась дверца, а комод теперь не открывался до конца.

— Мама сказала, что зато стало просторнее.

— Стало?

— В комоде точно. Теперь туда ничего не положишь.

Они смеялись у лестницы, и Катя впервые за несколько дней не проверила, не вышел ли Демид следом.

А теперь сидела над запиской и пыталась вспомнить, посмотрел ли он на неё, когда она закрыла учебник.

Не могла.

***

Вечером мама принесла из магазина груши и спросила, — Ты ела?

— Да.

Мама посмотрела на нетронутую тарелку у плиты.

— Катя.

— Сейчас поем.

Она сложила записку пополам и убрала в учебник. Мама уже переодевалась в прихожей, рассказывала что-то о дороге и женщине, которая пыталась войти в автобус с огромным цветком.

Катя достала две тарелки.

— Мне одну серёжку нашли, — сказала она, когда мама вернулась на кухню.

— Ту, которую ты потеряла?

— Угу.

— Хорошо. Ты же их любишь.

Мама взяла нож и принялась разрезать грушу.

Не спросила, где нашлась. Катя испытала благодарность — и почти сразу неловкость от того, что ждала расспросов.

За ужином они говорили о маминых сменах, о протекающем кране в ванной, о том, кто сможет дождаться мастера в субботу. Катя согласилась остаться дома утром. Потом вымыла посуду и вернулась к учебнику.

Записка лежала на том же месте.

Она перевернула листок.

С обратной стороны ничего не было.

Катя провела пальцем по неровному краю и положила бумагу рядом с тетрадью.

«Можно забрать в часы работы».

Никакой необходимости искать его. Никакого повода остаться после лекции.

Он всё устроил удобно.

Ей не нравилось, что она нашла в этом повод расстроиться.

***

На следующий день Катя прошла мимо деканата дважды.

В первый раз было без десяти десять. Она даже не остановилась — просто посмотрела на часы и пошла к аудитории.

Во второй раз дверь была открыта, внутри сидели две сотрудницы, а у стола студент доказывал, что отправил заявление ещё вчера.

Катя решила зайти после пары.

— Там очередь на три минуты, — заметила Оксана.

— Мне сейчас некогда.

Оксана посмотрела на часы.

— До звонка пятнадцать.

Катя перехватила сумку поудобнее.

— Я всё равно потом заберу.

Подруга не стала настаивать. Только попросила придержать папку, пока она застёгивала куртку.

После пары Катя спустилась одна. Оксана ушла в копировальный центр: принтер дома зажевал последние страницы доклада.

У двери деканата теперь никого не было.

— Здравствуйте. Мне должны были оставить конверт.

Женщина за столом подняла глаза.

— Фамилия?

Катя назвала.

Сотрудница открыла ящик и достала небольшой белый конверт.

— Этот? Проверьте.

На лицевой стороне стояли Катина фамилия и имя. Тем же почерком, что и в записке.

Она осторожно отогнула клапан. Внутри лежал прозрачный пакетик, а в нём — серебряная серьга. Застёжка была на месте.

— Да. Спасибо.

— Пожалуйста.

Женщина уже вернулась к монитору.

И всё.

Никто не посмотрел с любопытством. Не спросил, откуда украшение у преподавателя. Не улыбнулся так, будто знает больше, чем говорит.

Катя отошла от двери, держа конверт обеими руками.

Она зачем-то приготовилась к унизительной сцене, хотя Демид не дал ей для этого ни одного повода.

У окна она достала серьгу и положила на ладонь. Маленькая, знакомая, почти невесомая. На секунду вспомнился пол возле кровати, светлая полоска рассвета и её собственные туфли, которые она несла в руках, чтобы не шуметь.

Катя убрала пакетик обратно.

В конце коридора открылась дверь. Она подняла голову прежде, чем успела остановить себя.

Вышел незнакомый преподаватель с кипой папок.

Катя застегнула сумку и пошла в буфет.

***

Оксана сидела за столиком, прижав локтем распечатки. Перед ней стояли два стакана чая и тарелка с булочкой.

— Твоя половина ещё цела, — сообщила она. — Но я бы поторопилась.

Катя села напротив.

— Забрала?

— Да.

— Всё нормально?

Катя кивнула и достала конверт.

Оксана посмотрела на него, но трогать не стала.

— Ну и хорошо.

— Угу.

Подруга отломила кусочек булочки.

— Ты сейчас очень громко молчишь.

Катя повернула конверт надписью вниз.

— Он даже ничего не добавил.

— А должен был?

— Нет.

Оксана дождалась продолжения.

— Я бы злилась, если бы он предложил заехать, — призналась Катя. — Подумала бы, что специально оставил у себя.

— А теперь?

— Теперь злюсь, что не предложил.

Оксана чуть улыбнулась.

— Сложный у тебя сегодня чай.

Катя выдохнула и потянулась к стакану.

— Не надо ничего объяснять. Я сама слышу, как это звучит.

— Я и не объясняю.

Некоторое время они ели молча. За соседним столом двое первокурсников спорили о том, в каком корпусе у них следующая пара. У кассы закончилась мелочь, и буфетчица просила кого-нибудь разменять пятьсот рублей.

Оксана собрала рассыпавшиеся листы.

— Можешь хотеть его увидеть, — сказала она. — Это ещё не значит, что нужно что-то делать.

Катя посмотрела на неё.

Подруга уже выравнивала страницы, сверяясь с нумерацией, и не ждала признания.

Катя помогла найти пропавший пятый лист.

***

Дома она достала коробочку со второй серьгой.

Они легли рядом — одинаковые, с чуть потемневшим серебром у застёжек. Катя почистила обе мягкой салфеткой, поднесла к свету и наконец надела.

Она села за стол и открыла ноутбук. Марина Викторовна ответила на письмо: предложила время консультации и попросила заранее прислать несколько вариантов темы.

Катя подтвердила встречу.

Потом открыла новое письмо.

Адрес Демида был в материалах курса. Она набрала его, перешла к тексту.

«Спасибо. Забрала».

Посмотрела на две короткие фразы.

Так можно было написать. Ничего лишнего, обычная вежливость. Но Катя уже представляла, как станет проверять почту, ждать ответа, разбирать, почему он написал «пожалуйста», а не что-нибудь ещё.

Она закрыла письмо.

Белый конверт выбросила. Записку оставила между страницами учебника, на этот раз зная точно, где она лежит.

Потом открыла документ с вариантами темы.

Прежде чем начать, ещё раз проверила почту.

Глава 10. Чужая фамилия

— Соколова, начните, пожалуйста.

Катя подняла голову.

Демид стоял у доски с распечаткой в руке. Смотрел на неё выжидающе, как за минуту до этого смотрел на студента у окна.

Свою фамилию она слышала в университете сотни раз. Переклички, зачёты, списки на двери деканата. Но из его уст она прозвучала впервые — и почему-то показалась чужой.

— Первый вопрос? — уточнила Катя.

— Да. Возникает ли в описанной ситуации международное обязательство?

Она посмотрела на лист.

Вчера задача показалась ей интересной. Глава государства на пресс-конференции заявил, что страна прекращает определённый вид испытаний. Заявление услышали представители других государств, текст опубликовали официальные источники. Через несколько месяцев новое правительство объявило: договора никто не подписывал, следовательно, выполнять нечего.

Катя провела полвечера над материалами. Даже почту проверила только дважды.

Теперь все её пометки вдруг выглядели слишком подробными.

— Да, может возникнуть, — сказала она. — Отсутствие договора само по себе этого не исключает.

— На каком основании?

— Одностороннее публичное заявление тоже может создавать обязательство. Но нужно установить намерение государства быть связанным тем, что оно заявило.

Демид кивнул.

— Как вы предлагаете установить намерение?

Катя перевернула страницу. Затем вернула её обратно.

Она знала ответ. Не нужно было искать его в записях.

— По формулировкам, обстоятельствам и тому, кто сделал заявление. Здесь глава государства выступал публично, от имени страны. Если слова достаточно определённые, нельзя автоматически считать их просто политическим обещанием.

— Любое уверенное выступление на пресс-конференции теперь будет связывать государство? — спросил с заднего ряда Артём.

Несколько человек рассмеялись.

Катя повернулась к нему.

— Уверенность вообще не критерий. Можно очень уверенно сказать, что надеешься на мир во всём мире.

— А здесь?

— Здесь обещают прекратить конкретные действия. Есть разница между «мы стремимся сократить» и «мы больше не будем проводить».

Демид положил распечатку на стол.

— Продолжайте.

Он не улыбался. Не помогал закончить мысль. Катя вдруг поняла, что ей это удобно: не приходилось гадать, что означает выражение его лица.

— При этом такие заявления толкуют ограничительно, — продолжила она. — Нельзя приписывать государству больше, чем оно действительно приняло на себя. Я бы проверила полный текст выступления, а не только фразу из условия.

— Допустим, полный текст подтверждает ваш вывод, — сказал Демид. — Нужно ли согласие других государств?

— Для возникновения такого обязательства — не обязательно. Иначе мы снова свели бы всё к соглашению.

У окна скрипнул стул. Кто-то быстро записывал.

Катя уже не чувствовала тесноты под рёбрами, с которой начала говорить. Она видела задачу: где в ней не хватает фактов, где автор нарочно оставил ловушку.

— А новое правительство? — спросил Артём. — Оно вообще могло не поддерживать это решение.

— Могло. Но это не обнуляет обязательство государства.

— То есть отказаться нельзя никогда?

— Я этого не сказала. В условии они обосновывают отказ только отсутствием договора. Этот аргумент не работает. Вопрос о возможности отзыва заявления нужно рассматривать отдельно.

Демид взял маркер.

— Вот здесь остановимся. Соколова верно разделила два вопроса: возникло ли обязательство и можно ли от него отказаться. Запишите это. А теперь попробуем сформулировать аргумент другой стороны. Артём?

Катя опустила глаза.

Ни похвалы сверх необходимого, ни отметки в журнале. Он так же разбирал ответы остальных: отмечал точное, просил обосновать спорное, возвращал к условию.

И всё-таки у неё горели щёки.

Не от стыда. От удовольствия, которое она успела забыть за последнюю неделю: разобраться в сложном и сказать вслух так, чтобы тебя поняли.

Оксана придвинула к ней тетрадь. На полях было написано: «Уверенно надеюсь дожить до обеда».

Катя тихо выдохнула носом и вернула тетрадь.

До конца семинара она ещё дважды вступила в обсуждение. Один раз согласилась с возражением девушки из первого ряда, второй — попросила уточнить формулировку. Демид ответил и сразу передал слово дальше.

Когда прозвенел звонок, Катя с удивлением посмотрела на часы.

***

— Ты сегодня всех разбудила, — сказала Оксана, застёгивая сумку.

— Артём сам начал.

— Артём думал, что задаёт вопрос на тридцать секунд.

— Он задал хороший вопрос.

— Я передам. Ему будет приятно узнать, что пострадал не зря.

Катя убрала распечатки в папку. Учебник закрыла осторожно, чтобы не выпала записка. Она всё ещё хранила её между страницами и не знала, зачем носит с собой.

У стола уже стояли трое студентов. Демид показывал им что-то на экране ноутбука.

Катя вышла, не задерживаясь.

В коридоре было душно. Из соседней аудитории вынесли стойку с проектором, и люди обходили её боком. Оксана пошла к автомату за водой, а Катя остановилась у стенда: нужно было уточнить время консультации Марины Викторовны.

— Международное право, значит.

Она узнала голос раньше, чем повернулась.

Андрей стоял в двух шагах, держа телефон в руке. Без Лены. На плече — знакомый рюкзак, который Катя когда-то помогала выбирать.

— Что? — спросила она.

— Увлеклась, говорю. Я проходил, слышал, как ты там спорила.

— У нас был семинар.

— Я заметил.

Он улыбнулся. Буднично, почти дружелюбно. Именно с такой улыбкой раньше сообщал, что она опять слишком серьёзно всё восприняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.